

Григорян Арсен Гндзарович,
Учитель русского языка и литературы,
ГБОУ «Курчатовская школа»,
г. Москва

КОНЦЕПТ «ГОРОД» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА В.В. МАЯКОВСКОГО

Аннотация: концепт «Город» –преисподняя, он оставлен Богом, а следовательно, лишен любви, чистоты, милосердия. В связи с этим живая душа обречена на страдание. Даже сам город часто предстает персонифицированным живым существом, испытывающим страдание. Лирический герой противопоставлен толпе, которая лишена души, так как стремится лишь к материальным благам, гедонизму, не способна понять истинное искусство, смеется тогда, когда нужно плакать.

Ключевые слова: ад, лепрозорий, толпа, одиночество.

Концепт «Город», по нашему мнению, является центральным в лирике В.В. Маяковского, так как организует пространство художественной картины мира поэта. Маяковский – поэт-урбанист. Концепт предстает в нескольких образах города. Рассмотрим образ города-ада.

Городов вавилонские башни,
возгордись, возносим снова,
а бог
города на пашни
рушит,
мешая слово [3 с. 11]

Версты улиц взмахами шагов мну.

Куда уйду я, этот ад тая! [«Флейта-позвоночник», 3, с. 25].

Концепт организует мотив заброшенности человека и неизбежного наказания в результате богооставленности. И, как следствие, возникает образ города-ада, и даже большего в огласовке автора – «адища», что подчёркнуто гиперболой-окказионализмом. Упоминание «вавилонских башен» городов подкрепляет этот мотив: разрозненность людей, их взаимное непонимание вносят в жизнь мира (города) хаос, проявляющийся в звуковой и предметной насыщенности городского пространства.

Город-ад наполнен неприятными (адскими) звуками («пугая ударами в жечь»), а в стихотворении с говорящим названием «Адище города» [2, с. 50] звучание города передается с помощью аллитераций «з», «р», «г» («разбили», «вздымались», «взрывая гудки», «с разбега взметнул зрочки», «железо поездов громоздило лаз», «крикнул»). Семантика слов, передающих звуки города («разбили», «над самым ухом взрывая», «крикнул», «заплакал»), вторит звукописи: звуки громкие, вызывающие страх, беспокойство.

...жду,
обрызганный громом городского прибоя [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 7].

Нервы, должно быть...

Выйду,
погуляю.

И на улице не успокоился ни на ком я [«Вот так я сделался собакой», 1915, 2, с. 66]

Звуки издаёт движущийся транспорт: автомобили, поезда, аэроплан, трамвай, пролетки. Железо персонифицировано: «рыжие дьяволы, вздымались автомобили», «трамвай ... взметнул зрочки», «железо поездов громоздило лаз», «крикнул аэроплан».

Часть живой природы – солнце и луна – здесь лишние и потому страдают: «у раненого солнца вытекал глаз», «никому не нужная, дряблая луна». Адское пространство города губит все живое.

Примечательно, что в городе зрячим оказывается лишь неодушевленный предмет – трамвай («взметнул зрачки»), «старикашка» без очков ничего не видит, у солнца «вытекал глаз». Таким образом, город – это пространство, где господствует неодушевленный мир, лишенный способности сопереживать, это локус мучения для живого мира (не созданного человеком):

Дождь обрыдал тротуары

...

мокрый, лижет улиц забитый булыжником труп

...

из опущенных глаз водосточных труб [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 20].

Мотив мучения и гибели подчеркивают почти все глаголы, а также слова, образованные от них: «разбили», «взрываю», «сбитый», «заплакал», «горела», «громоздило», «упал», «раненого», «скомкав», «ковьяляла».

В концепт «Город» входит образ толпы, которая жестока, равнодушна, интересуется лишь материальными благами, ей весело, она не страдает – хохочет. Поэт же слышит ее голос как «вой». Городская толпа коррелирует толпе чертей в аду. Лирический герой Маяковского остро ощущает свою инакость, поэтому и противопоставлен толпе:

Лошадь на круп

грохнулась,

и сразу

за зевакой зевака,

штаны пришедшие Кузнецким клёшить,

сгрудились,

смех зазвенел и зазвякал:

– Лошадь упала!

– Упала лошадь! –

Смеялся Кузнецкий.

Лишь один я

голос свой не вмешивал в вой ему [«Хорошее отношение к лошадям», 1918, 2, с. 99].

В этом контексте очень важна метафора «вой» – так автор указывает на перевернутость, искаженность мира людей города, поэтому и происходит подмена истинных ценностей ложными, духовных – материальными. В связи с этим толпа не способна на милосердие и сопереживание. Скорее всего, это связано с ее мертвенностью – ведь она часть этого города. Кроме того, «вой» толпы – это один из звуков города, который вызывает негативные ассоциации, относящие образ толпы к бессмысленному животному началу:

Толпа озверевает, будет тереться,

ощетинит ножки стоголавая вошь [«Нате!», 1913, 2, с. 50].

В стихотворении «Ночь» [1912, 2, с. 43] также обнаруживается тема толпы-хищного животного. Колористический набросок ночного города (тоги, платья, черные ладони) позиционируется как собирательный антропоморфный образ и в целом ассоциируется с пространством сумасшедшего дома.

Кроме того, оно отмечено и животным началом, воплощенным в конкретном образе: «толпа – пестрошерстая быстрая кошка». Куда же она устремлена?

...каждый хотел протащить хоть немножко

громаду из смеха отлитого кома.

Люди, обитающие в городе, несвободны: «как желтые раны, огни обручали браслетами ноги». По словам Лю Ч. и Кузьмищевой Н.М., «в игровой стихии ночного города человек не управляет собой» [1, с. 492]. Толпа охвачена гедонизмом, жадой денег, она раба своих желаний – это подчеркивается образом браслетов-кандалов.

Но надежды толпы будут обмануты, на то указывает следующая деталь: «хотали арапы». Их образ предвещает неизбежный проигрыш:

Арап –
миражей шулер... [«Про это», 1923, 3, с. 200].

Толпа будет наказана за бездуховность.

В стихотворении «Адище города» [1913, 2, с. 50], практически «безлюдном», на первый взгляд, метонимией, будто вскользь, автор указывает на незримую толпу города: «ночь излюбилась, похабна и пьяна». Темнота («скомкав фонарей одеяла») скрывает её бесстыдство и непристойность. Примечательно, что в тот момент, когда «старикашка» плакал, потеряв очки, мир был пустым. Толпа немилосердна, равнодушна, так как сластолюбива, погружена в мир земных удовольствий, потребительства. Это подчеркивает образ жира – символ излишества, грязи, поглощающей чистоту:

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир... [«Нате!», 1913, 2, с. 50].

а в экипажах лощился за жирным атлетом атлет:

лопались люди,
проевшись насквозь,
и сочилось сквозь трещины сало,
мутной рекой с экипажей стекала
вместе с иссосанной булкой
жевотина старых котлет [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 20].

Рассмотрим еще один образ концепта – город-лепрозорий.

Пространство «города-лепрозория» [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 13] – пространство страданий. Наполненное душевной болью, оно уравнивает любое живое существо. Здесь и человек, и животное (лошадь, собака) обречены на страдание и боль, которые являются критерием болезни души:

Подошел и вижу -
За каплицей каплица
по морде катится,
прячется в шерсти.. [«Хорошее отношение к лошадям», 1918, 2, с. 99].

...сбитый старикашка шарил очки
и заплакал, когда в вечереющем смерче
трамвай с разбега взметнул зрочки [«Адище города», 1913, 2, с. 50].

Даже персонифицированный город страдает:

Улица мұку молча пёрла.
Крик торчком стоял из глотки.
Топорщились, застрявшие поперек горла,
пухлые taxi и костлявые пролетки.
Грудь испешеходили [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 11].

В описании города обнаруживается мотив опасности, угрозы:

Ветром опита,
льдом обута
улица скользила [«Хорошее отношение к лошадям», 1918, 2, с. 99].

Я, чувствуя платья зовущие лапы,
в глаза им улыбку протиснул, пугая
ударами в жель, хохотали арапы,
над лбом расцветивши крыло попугая [«Ночь», 1912, 2, с. 43].

Так, через образ «лепрозория» поэтом осмысливается безысходность жизни. Живое существо ощущает себя безвыходно запертым в пространстве себе подобных, пораженных душевной «лепрой».

... города-лепрозория,
где золото и грязь изъязвили проказу... [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 13].
... грязные, в калошах и без калош [«Нате!», 1913, 2, с. 50].

А улица присела и заорала:
«Идемте жрать!» [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 12].

Лирический герой, чуждый пространству города, чуждый толпе, как и всё истинно живое, испытывает только отрицательные чувства:

И какая-то общая
звериная тоска
плеща вылилась из меня
и расплылась в шелесте [«Хорошее отношение к лошадям», 1918, 2, с. 99].
Буре веселья улицы узки [«Флейта-позвоночник», 1915, 3, с. 26].
Лирический герой не простой другой – он всегда противопоставлен толпе:
...улица корчится безъязыкая –
ей нечем кричать и разговаривать [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 11].
...а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я – бесценных слов мот и транжир [«Нате!», 1913, 2, с. 50].

Я,
златоустейший,
чье каждое слово
душу новородит,
именинит тело.. [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 13].

Мы
...
мы чище венецианского лазорья,
морями и солнцами омытого сразу! [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 11].

Проявлением душевной «лепры» является крайняя телесность объектов мира, явленная через пищевой код. Бездушная толпа – и мужчины, и женщины, заботящиеся лишь о своем желудке («у вас в усах капуста») и внешности («на вас белила густо, /вы смотрите устрицей из раковин вещей»), – не способна ни породить, ни оценить чистое, высокое искусство, словом – не способна творить, только потреблять.

Своей духовностью, честностью и смелостью лирический герой одержит победу над толпой, захохотав ей в лицо:

я захохочу и радостно плюну,
плюну в лицо вам.. [«Нате!», 1913, 2, с. 51].

Но отношение лирического героя к людям неоднозначно и полярно, он настолько великодушен и силен духом, что готов жертвовать собой, так как способен любить:

Но мне –
люди,
и те, что обидели –

вы мне всего дороже и ближе.

Видели,

как собака бьющую руку лижет?! [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 14].

...вам я

душу вытащу,

растопчу,

чтоб большая! –

и окровавленную дам, как знамя [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 14].

«Карты» города-ада, города-лепрозория идентичны – от конкретных географических названий (Москва, Париж, Нью-Йорк) до обобщенных пространственных обозначений: улицы, мостовые, площади, лестницы, комнаты, др., связанные с цветовой символикой города.

Так, «Багровый и белый отброшен и скомкан» [«Ночь», 1912, 2, с. 43] – отсылка к тому, что день окончен (багровый закат и белый день), и в то же время возможна другая интерпретация: багровый – оттенок красного – символ любви, страсти, белый – цвет чистоты и непорочности, этим ценностям нет места в пространстве города, от них отказались люди. Черный цвет провоцирует функционирование мотива скомканности как искаженности в пространстве города в ночное время.

...а черным ладоням сбежавшихся окон

раздали горящие желтые карты [«Ночь», 1912, 2, с. 43].

В то же время «багровый» у Маяковского цвет-маркер ада. Соответственно, «белый» – мир, в котором возможно существование лирического героя.

Багровый и белый сменяются зеленым – так зависимость от игры вытеснила любовь и чистоту; черный же – символ пустоты, которую заполняет контрастный жёлтый – цвет браслетов и карт, образы которых, дополняясь образом «раны», отсылают к мотиву болезненной зависимости толпы от мира материального.

Мысль о том, что город – ад, подтверждает и преобладающее в концепте время – ночь:

Ночь придет,

перекусит

и съест [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 18].

Таким образом, макроконцепт «Город» позволяет выявить ключевые особенности художественной картины мира поэта:

1) лирический герой Маяковского – это часть города («грудь испешеходили» [«Облако в штанах», 1914-1915, 3, с. 11]; «...приходит страшнейшая из амортизаций – амортизация сердца и души» [«Разговор с фининспектором о поэзии», 1920, 2, с. 362]), он неотъемлемая часть художественной картины мира, с которой буквально сросся;

2) в мире Маяковского основным пространством является город, и город – это ад, поэтому, видимо, нет ада в его классическом культурном и библейском представлении; для того чтобы оказаться в аду, человеку не нужно умирать, он при жизни живет в аду, непрерывно страдая;

3) в несовершенном мире Маяковского страданием охвачено всё живое, так как мир лишён любви и сострадания, то есть страдание – лейтмотив;

4) ведущая антитеза: лирический герой (Я поэт) и толпа; эта антитеза указывает на проблему общества: его бездуховность; лирический герой презирает толпу, но вместе с тем готов пожертвовать собой ради людей.

Список литературы:

1. Лю Ч., Кузьмищева Н.М. Кубофутуристическая поэтика в стихотворении «Ночь» В. Маяковского в интерпретации китайских переводчиков [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kubofuturisticheskaya-poetika-v-stihotvorenii-noch-v-mayakovskogo-v-interpretatsii-kitayskih-perevodchikov/viewer>
2. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах, т. I / Сост. Ал. Михайлова. – М.: Правда, 1987. – 768с.
3. Маяковский В.В. Сочинения в двух томах, т. II / Сост. Ал. Михайлова. – М.: Правда, 1988. – 768с.

